

УДК 821.161.1-31.09“18”

DOI 10.25688/2076-913X.2021.41.1.15

Ю. В. Воронина

Заклятие небытия и многозначная логика в «Скучной истории» А. П. Чехова

В статье рассматривается циклический характер взаимодействия жизни и смерти на примере повести А. П. Чехова «Скучная история». Между двумя крайними точками непременно возникает пространство, называемое неопределенностью. Разный характер неопределенности, переходы одной противоположности в другую в чеховской «Скучной истории» представляются интересными для исследования, а обращение к трехзначной логике Яна Лукасевича оказывается необходимым.

Ключевые слова: неопределенность; логика Я. Лукасевича; цикличность; жизнь и смерть в произведениях Чехова.

Человек на излете своего бытия вызывает самое серьезное отношение со стороны всех форм общественного сознания: философии, религии, права, науки, искусства. Каждая из них имеет свой свод иллюзий об этой последней фазе бытия. Несомненно, есть доля истины в словах А. Н. Чанышева, что все эти формы общественного сознания всего лишь «различные, до сих пор неосознанные способы заклания небытия» [10]. Не миновал размышлений об окружающей человека небытийной пустоте и А. П. Чехов. Однако резкость взаимодействия противоположностей жизни и смерти в чеховских произведениях смягчена, часто не выводится на уровень «или – или», а рассматривается в некоторой неопределенной пограничной области. Серединное положение между полюсами противоположностей и вектор направления чеховского творчества определил еще В. В. Розанов: «Мысль о жизни внушает Чехов тем, что грустная дума и тон его весь полон полужизни» [7, с. 304]. Художественный мир Чехова вызывает не к двоичной, а к троичной логике, где между ложным (0) и истинным (1) положением вещей, характеров и явлений существует неопределенность (1/2). Полужизнь — своего рода неопределенность, зовущая к жизни, может быть истолкована как операция следования, или импликация ($1/2 \rightarrow 1$). Идея неопределенности характера в драматургии Чехова была высказана В. Я. Лакшиным в 1958 г. По его словам, «это было принято в штыки литературоведами старой школы и игнорировалось почти всеми, пока в новейшее время не стало общим местом» [5, с. 19]. Этот же исследователь назвал символом веры писателя запись в дневнике февраля 1897 г.: «Между “есть Бог” и “нет Бога” лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский [же] человек знает какую-либо одну из этих двух крайностей, середина же между ними

не интересуется его; и потому обыкновенно он не знает ничего или очень мало» [1, т. 17, с. 224].

После Чехова, после трех российских революций, человек, колеблющийся между крайностями, стал своего рода закономерностью, отразившейся в строках С. Есенина: «Но коль черти в душе гнездились — / Значит, ангелы жили в ней». Аннигиляции бесов и ангелов, как видим, не происходит. Напротив, они образуют своего рода цикл чередования противоположностей: «Стыдно мне, что я в Бога верил. / Горько мне, что не верю теперь» [2, с. 190]. Маятник исследований тоже колеблется. По мнению Г. И. Романовой, «в XXI в. вопрос о наличии православного аспекта в картине мира, воплощенной в творчестве Чехова, остается актуальным» [8, с. 10]. Но можно сказать, что Чехов впервые заговорил о поле неопределенности между крайностями, о недостаточности бинарной и необходимости многозначной логики. В «Скучной истории» мы имеем дело и с возможностью собственно полевого, или психосоматического, взаимодействия организмов, во всяком случае доктор медицины Николай Степанович, попавший в тяжелую ситуацию, вполне допускает это и рационализирует иррациональное: «Мое сильное нервное напряжение передалось жене, Лизе, собаке, вот и все... Этой передачей объясняются предчувствия, предвидения...» [1, с. 302]. Незадолго до этого герой признавался себе, что у него «нет семьи и нет желания вернуть ее» [1, с. 291]. Оказывается, что семья есть: он испытывает облегчение, когда к нему, почти умирающему, является его жена с вестью о нервном припадке дочери. Он рад тому, что не одинок и что его помощь необходима. В тяжелый час, на грани жизни и смерти, уже готовый умереть, Николай Степанович оказывается способным встать, успокоить жену и помочь своей дочери, переживающей острый душевный кризис. Страх и ужас перед немедленным наступлением смерти отступают. Происходит возвращение героя к жизни. Но здесь же обнаруживается, что есть, оказывается, что-то хуже смерти. Телесная катастрофа миновала, но, когда герой собирается написать рецепт для Лизы, у него «на душе тяжело, нудно, так что даже жаль, что <...> не умер внезапно» [1, с. 303]. Возникает третья ступенька к фундаментальной противоположности «жизнь – смерть – жизнь хуже смерти». Возвращением к жизни оказывается беседа с Катей, которая тоже почувствовала что-то неладное и в эту же ночь пришла предложить Николаю Степановичу свои деньги. Тем не менее появление третьего полюса в «Скучной истории» и преодоление двузначной логики связано не только с выходом человека на грань жизни и смерти.

Любопытен сбой двузначной логики, происходящий в рассуждениях швейцара Николая, тезки главного героя «Скучной истории»: «добро торжествует у него над злом, слабый всегда побеждает сильного, мудрый глупого, скромный гордого, молодой старого» [1, с. 259]. Очевидность всех предпочтений нарушает победа слабости над силой. Откуда это нарушение логики у вполне здравомыслящего человека? Если слабость победила силу, не следует ли

признать ее еще более сильной? И не потребуется ли ввести категорию неопределенности между силой и слабостью, которая может раскрыться и как сила, и как слабость и снова остаться неопределенностью. И очень непросто этот старый сослуживец, обладающий замечательной памятью и выглядящий со стороны по использованию специальной терминологии, умению приготовить препарат, собрать скелет, «ученым, замаскированным солдатом» [1, с. 259]. Маска и сущность в нем как бы поменялись местами. Вероятно, он неслучайно говорит о торжестве слабости над силой. Это было не только в сказках и легендах, но и во всемирной, и в русской истории.

Именно в пограничной области между жизнью и смертью обнаруживается экзистенциальное совпадение, о которой Ж. П. Сартр писал: «Бытие находится повсюду вокруг меня, кажется, я мог бы его коснуться, схватить; *представление* как психическое событие оказывается чистой выдумкой философов. Но это бытие, которое “меня окружает” со всех сторон и *ничто* от которого меня не отделяет, оно и есть как раз *ничто*, которое меня отделяет от него, и, поскольку оно есть *ничто*, оно непреодолимо» [9, с. 243]. Попытка формализации этого высказывания неизбежно приводит к некоторому тождеству противоположностей бытия и небытия, вытекающему из их взаимодействия.

Умного и талантливого профессора «Скучной истории» ничто не отделяет от его блистательного имени, и его внешний облик старика, осаждаемого смертельной болезнью, прячущего голову под подушку, никому не нужного и одинокого, оказывается лишь его психологическим событием. Когда-то он пользовался дружбой великих людей своего времени, многое сделал в медицине, стал ходячим иконостасом наград, степеней и званий. Достиг в некотором отношении почти положения Бога, ибо имя его считается так же неприличным упоминать *всё*. Это кажущийся безграничным космос имени, излучающий добро и свет. Но пессимизм оказывается рядом с прославленным именем и заслугами и связан с подступающим ничто: «Насколько блестяще и красиво мое имя, настолько тускл и безобразен я сам» [1, с. 252].

В двузначной логике Николаю Степановичу было бы невозможно считать филолога Михаила Федоровича и свою воспитанницу, неудачливую актрису, Катю своими друзьями и врагами одновременно. Он даже называет их жабами, когда задет их критикой молодого поколения, науки и театра. Потом, когда острое критическое настроение овладеет им, он и себя назовет третьей жабой. Опять можно вспомнить есенинское: «Розу белую с черной жабой / Я хотел на земле повенчать» [2, с. 190]. И, конечно, идущий к смерти больной никогда не возродится заново.

Двузначная логическая система дает аннигиляцию противоположностей, не допускает истинности цикла «*жизнь – смерть – жизнь*». А Николай Степанович, как мы помним, проходит такое положение вещей, возможно, из-за того, что другим стало плохо, а он врач. В состоянии неопределенности погружен и Михаил Федорович, собирающийся за границу, но все-таки не уезжающий,

видимо, потому, что не слышит определенного ответа от Кати, в которую он, похоже, влюблен. Свои испытания проходит и сама Катя. От безоглядной любви к театру, к актерам, к их великой миссии, она приходит к полному разочарованию в служении искусству, в людях, которые ее окружают, в некогда любимом человеке. Трагичен ее цикл «жизнь – смерть – жизнь». Потеряв ребенка, она покушается на самоубийство, но все-таки выживает, возвращается в жизнь, где снова ищет ее ускользающий смысл.

В трехзначной логической системе Я. Лукасевича к истине и лжи добавляется еще и неопределенность [4, с. 259–260]. В принципе может быть бесконечное число звеньев, но вероятность попадания в неопределенность с каждым последующим циклом снижается. В реальной жизни бесконечности нет, но люди, пережившие несколько инфарктов, встречаются. В «Скучной истории» старый профессор по крайней мере дважды проходит этот цикл. Об одном мы уже говорили. Другой связан с тем, что жена намекает на возможность отношений между ним и Катей. У нее есть основания ревновать и так думать. Катя зовет его к уходу из семьи, приготовила ему уютную комнату, готова отдать свои деньги, но у Николая Степановича Катя — это что-то связанное с душой, а не с телом, и отсюда его гнев на упрек жены, топанье ногами, его бунт и обморок. Почти по Сартру: ничто не отделяло его от Кати, но в качестве ничто оказалось непреодолимым.

Взаимодействие реальности и небытия и становится предметом исследования Чехова в «Скучной истории», написанной от лица неизлечимо больного и в то же время блистательного доктора медицины. Это противоречие заставляет вспомнить парадокс о брадобрее, который должен брить только тех людей, кто не бреется сам, и поэтому выполнение подобной установки по отношению к самому себе оказывается невыполнимым. Этот парадокс относится и к самим «Запискам старого человека», написанным от первого лица. Старый человек в самом начале записок сетует: «Пишу же я дурно. Тот кусочек мозга, который заведует писательской способностью, отказался служить» [1, с. 252]. Однако пишет Николай Степанович не хуже самого автора. Вопрос совершенно запутывается. Как справедливо замечает исследователь, «поиск собственного “я” при помощи нарративных образцов оказывается безуспешным для чеховского героя» [3, с. 82]. А писатель, как известно, всячески открещивался от того, что передал свои мысли профессору: «Во всей повести есть только одна мысль, которую я разделяю и которая сидит в голове профессорского зятя мошенника Гнеккера, это “спятил старик!”» [1, с. 673]. Но, разделяя эту мысль, Чехов попадает и в мысли самого Николая Степановича, мучимого бессонницей: «Не спать ночью — значит, каждую минуту сознавать себя ненормальным...» [1, с. 254]. По Гнеккеру, старик спятил насовсем, выбыл из числа здоровых людей (двузначная логика); по мысли старика, это явление временное и связанное со временем суток. Но пока он, врач, лечится сам, будучи неизлечимым, надежда существует, пусть и становится все более прозрачной: «У кого нет

надежд? Теперь, когда я сам ставлю себе диагноз и сам лечу себя, временами я надеюсь, что меня обманывает мое невежество, что я ошибаюсь и насчет белка и сахара, которых нахожу у себя, и насчет сердца, и насчет тех отеков, которые уже два раза видел у себя по утрам; когда я с усердием ипохондрика перечитываю учебники терапии и ежедневно меняю лекарства, мне все кажется, что я набреду на что-нибудь утешительное» [1, с. 290].

Итак, перед нами взаимодействие правды и лжи, дающее в результате не аннигиляцию, не полный нуль, а неопределенность, имя которой — надежда. При этом ум именуется невежеством, симптомы — ошибками; последние выводят к излечению. Но за бесполезной, казалось бы, суетой прячется продолжающаяся работа врача и пациента, сражающихся с неизлечимой болезнью. Смотря на ничто, ученый снова и снова ищет способы преодоления непреодолимого. Сама непреодолимость при этом под сомнение не ставится, но смещается в сторону неопределенности, превращается в цикл чередования противоположностей. Можно подумать, что наедине с собой, у последней черты уже нечего скрывать и тешить себя выдумками. Но этого не получается. Не избегает иллюзий и старый профессор. Как ни странно, у него оказывается метафизический ум, допускающий иррационализм, и душа, не желающая знать мистики: «Казалось бы, теперь меня должны бы больше всего занимать вопросы о загробных потемках и о тех видениях, которые посетят мой могильный сон. Но почему-то душа моя не хочет знать этих вопросов, хотя ум и сознает всю их важность» [1, с. 263]. Катастрофу и самого Чехова, и части интеллигенции, впавшей в материализм, Д. С. Мережковский видел в том, что на вопрос о Боге Чехов «ответил окончательным и бесповоротным нет, поставив средоточием душевной трагедии всех своих героев мысль о смерти как об уничтожении» [6, с. 67].

Проницательный Д. С. Мережковский невнимательно прочел «Скучную историю». Пусть в качестве видений могильного сна, но ум героя признает важность вопросов посмертного бытия. Но продиктовано это не только интересом к метафизике, но и профессиональным опытом врача, хорошо знающего, что человеческое тело представляет собой единство жизни и смерти: тысячи клеток гибнут, чтобы обеспечить существование организма как целого. Циклически на их месте появляются новые. Но если цикл жизни и смерти характерен для частей организма, почему он не может быть возможным для человеческого сознания? Отсюда мог бы последовать выход в религию. Но у профессора душа, казалось бы, призванная быть более близкой к умонепостижаемому миру, не желает ее знать. Герой «Скучной истории» до религии не доходит и на излете земного бытия, собственной блестящей карьеры и даже когда он признал прожитые 62 года прожитыми зря. Это и есть общечеловеческая неуспокоенность достигнутым, общая идея, возникающая из смысла повести. Бессмертие оказывается кажущимся благом, в равнодушном потоке времени обнаруживается отсутствие жизни. Свою вечность профессор начинает

переживать в финале своего бытия. Обычно и математически обоснованно считается, что чем человек становится старше, тем быстрее для него движется время. Однако профессор переживает страшное замедление хода времени: «Последние месяцы моей жизни, пока я жду смерти, кажутся мне гораздо длиннее всей моей жизни» [1, с. 305]. Но он принимает эту вязкую длительность совершенно спокойно, а прежде длительность пустого ожидания была невыносимой и пятнадцать минут превращались в вечность. Мы расстаемся с героем повести в Харькове, куда он совершил бесполезную поездку, чтобы узнать, является ли Гнеккер богатым женихом в самом деле. Действительность разочаровала, а мошенник Гнеккер успел обвенчаться с его дочерью.

В Харькове профессора посещает Катя. До Николая Степановича наконец дошло, что это «отрицательное явление», по его мнению и самооценке девушки, было его сокровищем, ибо связывала его с миром людей, исчезающих вполне бесследно и большей частью глубоко несчастных. Гибель самого героя не показана (как, например, в «Палате № 6»), хотя ее неотвратимость чувствуется. Профессор обречен на смерть, так как потерял самое дорогое в жизни. Мы не знаем, что сделает он после своего визита в Харьков, что станет с его женой и дочерью, но несомненно одно: человеку, познавшему действительность во всей ее непривлекательности, остается либо сойти с ума, либо умереть. Чехов оставляет своего героя на распутье жизни и смерти, ума и безумия, иллюзии и реальности. Конца нет, есть цикл чередования противоположностей. В стихотворении Есенина, которое звучало рефреном наших рассуждений, очередь до религии все-таки дошла. Но как дошла? Как столкновение противоположностей веры и неверия, в русском стиле:

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать [2, с. 191].

Библиографический список

Источники

1. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 7. 1888–1891 гг. / редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.]; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Наука, 1977. 733 с.
2. Есенин С. А. Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. М.: Правда, 1977. 448 с.

Литература

3. Агратин А. Е. «Игра в событие»: к вопросу о повествовательной идентичности чеховского героя (на примере рассказов «После театра» и «Попрыгунья») // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 4 (20). С. 78–83.
4. Гетманова А. Д. Учебник по логике. М.: Владос, 1995. 368 с.
5. Лакшин В. Я. О «смысле веры Чехова» // Чеховиана: Статьи, публикации, эссе. М.: Наука, 1990. С. 7–19.

6. Мережковский Д. С. Чехов и Горький // Грядущий хам. М.: Республика, 2004. С. 40–75.
7. Розанов В. В. Наш «Антоша Чехонте» // Розанов В. В. Мысли о литературе. М.: Современник, 1989. С. 299–304.
8. Романова Г. И. Картина мира в рассказе А. П. Чехова «Мечты» // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 1 (25). С. 8–13.
9. Сартр Ж. П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 2002. 639 с.
10. Чанышев А. Н. Трактат о небытии // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 158–165.

References

Istochniki

1. Chexov A. P. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t. T. 7. 1888–1891 gg. / redkol.: N. F. Bel'chikov (gl. red.) [i dr.]; AN SSSR, In-t mirovoj literatury` im. A. M. Gor`kogo. M.: Nauka, 1977. 733 s.
2. Esenin S. A. Sobr. soch.: v 3 t. T. 1. M.: Pravda, 1977. 448 s.

Literatura

3. Agratin A. E. «Igra v soby`tie»: k voprosu o povestvovatel`noj identichnosti chexovskogo geroya (na primere rasskazov «Posle teatra» i «Popry`gun`ya») // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovo obrazovanie. 2015. № 4 (20). S. 78–83.
1. Getmanova A. D. Uchebnik po logike. M.: Vlados, 1995. 368 s.
2. Lakshin V. Ya. O «smy`sle very` Chexova» // Chexoviana: Stat`i, publikacii, e`sse. M.: Nauka, 1990. S. 7–19.
3. Merezhevskij D. S. Chexov i Gor`kij // Gryadushhij xam. M.: Respublika, 2004. S. 40–75.
4. Rozanov V. V. Nash «Antosha Chexonte» // Rozanov V. V. My`sli o literature. M.: Sovremennik, 1989. S. 299–304.
5. Romanova G. I. Kartina mira v rasskaze A. P. Chexova «Mechty`» // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovo obrazovanie. 2017. № 1 (25). S. 8–13.
6. Sartr Zh. P. By`tie i nichto. Opy`t fenomenologicheskoy ontologii. M.: TERRA – Knizhny`j klub; Respublika, 2002. 639 s.
7. Chany`shev A. N. Traktat o neby`tii // Voprosy` filosofii. 1990. № 10. S. 158–165.

Yu. V. Voronina

The Spell of Oblivion and Ambiguous Logic in «Boring Story» by A. P. Chekhov

The article examines the cyclical nature of life and death interrelations, using the story of A. P. Chekhov's «A Boring Story». The two extremes invariably create the space between them called «uncertainty». The different nature of «uncertainty», the transitions from one opposition to another in Chekhov's «Boring History» demands further research, and an appeal to the three-valued logic of Lukasiewicz turns out to be necessary.

Keywords: uncertainty; Lukasiewicz's logic; cyclicity; life and death in Chekhov's works.